

авторитет лидеры, но удержать его обманом невозможно

Владимир КАНДЕЛАКИ: Моск. правда - 1991 - 2 авг. - с. 1-2

Промоем наконец зеркала

Публикуем очередной материал из серии бесед с известными деятелями науки и культуры о насущных проблемах и болях нашего общества.

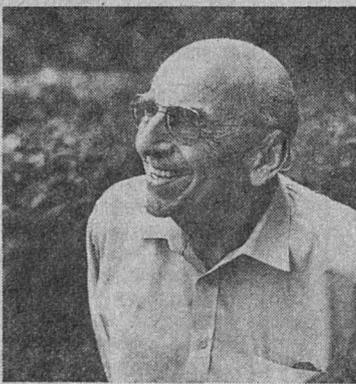
Наш собеседник — народный артист СССР В. Канделаки, человек, стоявший у истоков современного оперного театра и оперетты.

— Владимир Аркадьевич, в последнее время чаще, чем когда-либо, равнодушие и жестокосердие оправдываются «несвободой от общества». Думается, вам, с юных лет погруженному в общение с патриархами отечественной культуры, это особенно нестерпимо?

— Возможно, мой ответ покажется вам парадоксальным. Но последние десять дней самое нестерпимое для меня — это моя рука. Выходил я из троллейбуса, двери закрылись, вернее, не закрылись из-за меня, а когда уже на ходу все-таки раскрылись, я выпал. И — вот результат. Гипс накладывали дважды, «переламывая» пальцы. Между прочим, водитель даже не оглянулся. Так что мы оба — водитель того троллейбуса и я — не свободны от общества, в котором живем.

— В вашем доме целая галерея портретов — и какие имена! Станиславский, Немирович-Данченко, Шаляпин, Шостакович, Козловский, Кабалевский, Хренников, Уланова, Утесов... Наверное, это — не просто друзья, соратники, но и учителя?

— С конца двадцатых, когда после окончания Тбилисской консерватории я поступил в ЦЕТЕТИС, нынче это ГИТИС, а затем со второго курса в труппу Музыкального театра, я действительно был обласкан, зачастую даже не вполне, думаю, заслуженно, людьми высокой культуры. Такими были традиции театральной интеллигенции тех лет

— принять живейшее участие в судьбе новичка. И это находило отклик, да еще какой, в наших душах. Ребенком я видел в Одессе похороны Веры Холодной — отголосок всенародной любви к актрисе; в Тифлисе «лицезрел» Николая II с царевичем Алексеем... Казалось бы, ребенок ярче, непостижимее проникает в атмосферу события. Но уже юношей попав на 30-летие Художественного театра, я до спазмов в горле принял этот юбилей. После того как вслед за актерами с лестницы в глубине сцены спустились Станиславский и Немирович, я уже не мог остаться прежним. Любовь, преданность, чувство театрального братства родились во мне именно в тот вечер...

— И продолжают по сей день?

— По-прежнему люблю своих близких, многих друзей, по-прежнему, как шестьдесят лет назад, предан своему театру, но атмосфера сейчас другая. Мои студии, например, при первой возможности добывают контракты на Запад, театральные лидеры делают театры, многие залы пустуют. Грустно... ГИТИС переименован в Российскую Академию искусств. Звучит, не правда ли? А спросите меня, что

возродит эта академия? Я, хотя по натуре оптимист, повременю с ответом. Смущает меня эта поспешность, и не только в звучных переименованиях. Вы не считали, сколько в Москве театральных студий? Вот и я не могу сосчитать. Есть, например, студия «На досках»... Всегда был уверен, что на досках — это виндсерфинг... Хотя, с другой стороны, есть и студия Табакова. Думаю, она-то как раз и выживет, потому что ею руководит носитель традиций МХАТа. Преемственность считаю непременным условием серьезных начинаний.

Вспоминается эпизод из работы над «Сказками Гофмана». На репетиции присутствовал Владимир Иванович Немирович-Данченко. Всем замечания делает, на сцену поднимается, показывает, как войти, как поклониться. На меня — ноль внимания. А у меня центральная роль, между прочим.

Взыграло во мне ретивое, сел писать письмо. Передал, жду... Наконец через несколько дней вручают ответ. А там... мое собственное письмо, правда, с «автографом» — красным подчеркнуты мои орфографические ошибки. И больше ни слова.

На первой же репетиции подошел я с извинениями, а Немирович мне и говорит: «Запомните, молодой человек, от того, в кого верю, я и требую многого. Идите и репетируйте...». И я стал пытаться работать, как умели работать мои учителя, и стараюсь делать это по сей день...

— Что же важнее — способности хорошего ученика или авторитет учителя-личности?

— Близко общаясь в свое время с В. И. Качаловым, я старался не пропустить ни одного его жеста, ни одной интонации его удивительного голоса. Авторитет учителя ставлю превыше всего. В эвакуации, в Алма-Ате, мы

встретились с Галиной Улановой, приехавшей из Куйбышева навестить мужа, режиссера Ю. Завадского, который был здесь со своим театром. Местные власти, узнав о ее приезде, взмолились: «Станцуйте...». Галина Сергеевна мне и говорит: «Не хотите станцевать со мной в «Бахчисарайском фонтане»? Батюшки, думаю, кого же это, уж не хана ли Гирея? И что вы думаете? Его! Разумеется, в ГИТИСе хореография была, я был пластичен, подвижен, но с Улановой — ведущую партию? Как же мы репетировали! Галина Сергеевна не позволила мне ни одного отступления от балетного «текста», не дала ни единой поправки! Все поддержки, арабески — только по канонам классического балета! Я старался так, что до сих пор, встречаясь со мной, а живем мы в одном доме, Галина Сергеевна с юмором произносит: «А вот и мой Гирей».

— Даже из «аварийного» ввода, так, по-моему, это называется, вы извлекли урок трудолюбия, что, безусловно, помогло в вашей многогранной деятельности. Но ведь вы еще и очень общественно-трудолюбивый человек: многолетний профсоюзный лидер театра, да и партийных обязанностей не чурались.

— Думаю, это можно объяснить острым ощущением общности и единения с товарищами, коллегами по работе. Я и в партию вступил отчасти по этой причине. В годы войны наша артистическая бригада выступала на фронте. Вы не представляете, какое прекрасное чувство родства с нашими воинами — защитниками жило в нас, артистах. А когда мы вместе вошли в освобожденный Орел и увидели салют в

ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

Промоем наконец зеркала

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

ночном небе, это было непередаваемо радостное чувство. Это фронтовое братство не распадется никогда. После войны, в тяжелое полуголодное время чувство ответственности за близких и друзей меня не покидало. Я не сомневался, что, вступая в партию, брал на себя дополнительные обязательства перед ними и за них. А слово я всегда старался держать. Но была в моем вступлении в партию, пожалуй, и корысть...

— Вот тебе раз... Я был человеком горячим, вспыльчивым, недаром называли меня друзья грузинском «московского разлива». Бывало, незаслуженно обижал людей, а потом ночи не спал. Вот и решил, что партия меня «утихомирит», дисциплинирует.

— И помогло? Безусловно. Кроме того, я всегда верил, что именно партия способна сплотить наше общество. А карьеристы, проходимцы — так они всегда были и будут.

Сейчас многие честные коммунисты озабочены случаями выхода из партии тех, кого они

считали своими товарищами, единомышленниками. Да не товарищи это, поверьте, думаю, что и чувство это им не очень знакомо. Уверен: это люди без идеалов. Как мы этого вовремя не разглядели — вопрос другой.

Повторяю: верил и верю в здоровые силы партии. Надеюсь, они одержат победу. Это как табакоская студия среди прочих — «на досках», на веревках, на чем там еще... Исход борьбы решает личность, а в партии сейчас много не просто здоровых сил, но и индивидуальностей, именно личностей...

— «Политики новой волны» заявляют, что они, и только они, способны построить «истинно гуманное общество, общество социальной справедливости...».

— Когда появился Ельцин, я, как и многие, был доволен приходом еще одного сторонника радикальных реформ. Однако вскоре зазвучали бесконечные «я говорил с Горбачевым», «я предупреждал Горбачева» и т. д. Признаться, я опешил. Ведь именно коммунисту Горбачеву коммунист Ельцин был обязан — вот парадокс! — возможностью «без оргвыводов» выйти из рядов КПСС. И окончательно меня

смущали недавние правительственные «пасхальные мистерии». Сколько лет числился Ельцин в коммунистах, стало быть, в атеистах тоже, а тут — со свечкой, да в такую ночь! Когда же он был искренен — много лет на руководящей партийной работе в Свердловске, Москве или здесь, в сборе?

Поймите меня правильно: я не имею ничего против присутствия лидеров страны на религиозных торжествах — в конце концов это личное дело каждого. И все же... Если «визит» Ельцина в собор перед выборами был предпринят в целях сбора дополнительных голосов верующих бабулек — это одно. Если это дань европейским традициям — другое. Но на Руси в храм без нательного креста никогда не ходили — это, кстати, касается и нашего уважаемого премьер-министра. Как и политика, должен быть цельной, тогда и в то, и в другое вера будет...

Творческих людей, многих моих коллег страшно пугает непредсказуемость наших властей. Не знаешь, какой «сюрприз» преподнесут тебе завтра.

Конечно, мы люди относительно обеспеченные. Но вот Татьяна

Шмыга, например, два года не могла купить роаль, думаете, это способствовало ее творческой деятельности? Или взять наш район, когда позакрывали на ремонт булочные. Сотни людей сидели без хлеба. Никто не догадался палаточку временную на углу соорудить, чтобы хлеб в нее завозить. Такое небрежение ожесточает.

Между прочим, уверен: покалечивший меня водитель троллейбуса был тоже удручен проблемами быта. Может, ребенка до пяти часов из сада забирать некому, может, колбасы к ужину не достал... Вот так.

Я не жалею. Я счастливый человек. Рядом со мной близкие, друзья. Я объехал полмира, сыграл много ролей. Но вот случилась со мной беда, и до абсурда доходит: дочери на гастроли в Америку ехать, а она ни в какую: «Папа, как я тебя с такой рукой оставлю?». И знаете, права была дочь, хоть я и «вытолкал» ее на гастроли. В магазинах наших, сами знаете, что творится. Уж я руку прячу, прячу, но нет-нет да заденут в толпе. Когда меня узнают и спрашивают: «Вы — Канделаки?», я отвечаю, что я его брат.

А вот когда меня как «инвалида» пропускают без очереди, я, честное слово, радуюсь. Хотя на предложения нескольких директоров «не стесняться, всегда заходить» я ни разу не откликнулся. Не знаю, как кое-кому с протянутой рукой на Запад за продажей, но мне и со сломанной рукой идти с «черного хода» стыдно.

— Владимир Аркадьевич, как сами признались, вы оптимист. Может, на этот раз совместными стараниями всех здоровых сил в обществе и руководстве страны человеческое житье-бытье нам действительно «святит»?

— У нас с Пляттом была «добрая» традиция. Иду, например, я по улице Горького, а по другой стороне шествует Ростислав Янович. Увидит он меня, и палец указательный мне показывает. Это значит, у него есть новый анекдот. Ну, а я ему «викторию» выкидываю: у меня два анекдота. Бывало и наоборот. «Проигравшему» приходилось идти через улицу к тому, кто посулил больше. И знаете, не было случая, чтоб мы друг друга обманули, ну, может, первого апреля пару раз разыграли...

К чему я веду? Вообще-то ведь я сторонник жесткой власти, но, как в случае с Тэтчер, на фоне относительного изобилия: дай хотя бы необходимые продукты и одежду. Накорми, одень, а уж потом — командуй! А то карточки ввели — терпим, талоны, визитки — терпим, убрал талоны, отменили визитки — еще лучше, все убрали, цены взвинтили — тяжело, но терпим. Ну, а если цены еще поднять, государственные магазины позакрывать, всю Москву обвешать рекламой «Пепси», весь общественный транспорт метровыми надписями: «Покупайте магнитофоны «Шарп»... Это, боюсь, последней каплей стать может. Во второй раз через улицу нас дыркой от обещанного бублика не заманишь. Это важно помнить политикам, в том числе и «новой волны». Не нужно ожесточать людей, они этого, право, не заслужили.

— И пусть всегда водитель смотрит в зеркальце на остановке, да?

— Если оно чистое, он всегда будет знать, что происходит вокруг.

Т. ГАРМИЗЕ.